

Елена Генерозова

Австралия

Елена Генерозова

Австралия

Москва

«Воймега»

2012

УДК 821.161.1-1 Генерозова

ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

Г34

Е. Генерозова

Г34 Австралия. — М.: Воймега, 2012. — 48 с.

ISBN 978-5-7640-0125-8

Дизайн серии — Сергей Труханов

© Е. Генерозова, текст, 2012

© «Воймега», 2012

Тронешь — а он живой...

Есть в мироздании некая великая тайна; правда, многие в этом сомневаются, а иным за всю жизнь так и не удаётся к ней приблизиться — когда по неумению, когда по нежеланию. Раскрыть её до конца, разумеется, возможно не более, чем летать с помощью антигравитации. Благословенны, однако, те, кто всю жизнь бродят вокруг да около этой тайны, приглядываются к ней, пытаются своими слабыми человеческими силами хоть что-то в ней уяснить — и для себя самих, и для остальных. А она, негодная, при этом неизменно ускользает от наших хватких пальцев, подобно солнечному зайчику. Беда! Тем более что «резцом, органом, кистью» ещё кое-как можно предаваться этому обречённому занятию, а вот «мысль, острый луч» оказывается довольно бесполезной.

Елена Генерозова — из редкого и благородного племени искателей тайны.

...Выходя

В солёный сумрак, на берег, в загон,
В тираж, на волю, на пустой перрон,
В сад яблоневого, горький от дождя,
Я точно знаю: то, что впереди, —
Австралия.

И тревожит её душу главным образом то, «что за порогом», задача сопряжения перемены ветров с другой, неназываемой переменной. Вроде бы отсюда один шаг до унылого поэта-метафизика, старательно усматривающего в окружающем потаённые смыслы. Или до символиста, увешанного розами и крестами. Не тот случай. Наш поэт ничуть не возражает против того, чтобы «служить сейлзом у весёлых шведов», хранить сон любимого мужа, слушать джаз на Тверской и читать детям сказки

на ночь (кстати, она, кажется, первая ввела в русский поэтический обиход слово «дементор» из «Гарри Поттера»). Однако её ощущаемый мир неразрывен и с предвечным потусторонним, и с тем, который с нашей, солнечной стороны бытия переселился на невидимую его половину (или большую часть?). Очень уместны в её стихах нечастые, но ясно различаемые отзвуки античных поэтических ритмов, и русские просторечия, и навеки, увы, уходящие приметы поздних советских лет, с крепкой бронёй, быстрыми танками и щемящими до слёз подмосковными вечерами. Всё это старается она перевести то с небесного на земной, то с мёртвого на живой.

Удаётся. Потому что «на свете столько красоты... что умереть легко». И потому что её вселенная — это место, где ветреница-Мария «влюбилась сызнова». Ненадолго — ну и что с того? «Пока влюблена Мария, пока весна» — ещё можно жить, верить в старые вещи — добро, красоту, истину. Извлекать их, как сердолики из черноморского песка. Другого смысла нет ни в искусстве, ни в жизни.

Если бываешь оправдан, играющий homo,
Только тогда, когда, вот как сейчас, на мели.
То есть когда под пятой ощущаешь, немея,
Грань драгоценную жизни или земли,
Осознавая неведомое за нею.

Бахыт Кенжеев

* * *

Этот мартовский ветер, звенящий в ночных проводах,
Переулком сырым разносящий молву о простуде,
Вдоль перрона мешая со снегом невидимый прах,
На «попутный» меняет названье, и сниться не будет

На границу былого когда-то задвинутый град,
Разрастаясь печально внутри материнского лона,
Комсомольская площадь, огни — возвращаться назад,
Оставаться стоять посреди твоего Вавилона —

Небольшая наука, но что-то толкает на край
Посмотреть, как бывает, и как бы ни выпало плохо,
Понимать, что всегда и везде на любое «прощай»
Остаётся рубец в середине на уровне вдоха,

Что же делать тебе, проездной человек-инвалид?
Стало быть, ничего, погоди, отойдёт постепенно,
Но вдохни глубоко и почувствуй, как это болит,
Перемену ветров сопрягая с другой переменной.

Австралия

Ключ повернуть в замке, защёлку вниз.
Когда мне снился этот коридор —
Свет редких ламп, и хоровод теней,
И дверь в конце — я знала, что за ней
Австралия, неведомый простор.
Как будто, выходя из-за кулис

На сцену в яркий свет со всех сторон,
Не видишь ничего, и много раз
Всё снилось так, а почему опять
Австралия — мне в жизни не понять
(Как будто ключик попадал не в паз),
Но было очевидным, как закон.

Что за порогом? Покажи, открой!
И лишь глаза открыть, где недосып
Звенел внутри оставшимся взамен, —
Всё плыть на свет, вдыхая сырость стен,
Припоминая свойства древних рыб —
Спинным пространство ощущать, рекой

Воспринимая долгие пути...
С тех пор прошло немало. Выходя
В солёный сумрак, на́ берег, в загон,
В тираж, на волю, на пустой перрон,
В сад яблоневого, горький от дождя,
Я точно знаю: то, что впереди, —
Австралия.

* * *

Гене Каневскому

Джаз на Тверской. Сухо. Покоя нет.
Трое в раю — саксы и тамбурин,
Город играет, он опять говорит:
Зеркало-зеркало, дай поскорей ответ
Плеском витрин,

Блеском летящих в небо, как некий знак,
Звуков больших, мама, скажи, может, и нам пора?
Вдоль да по Питерской вновь временной сквозняк,
Где ещё во вчера

Гнутой трубой дёргал нервы горнист,
Чёрные муки зву, затяжной хорал,
Музыку выдыхал, всех замумукал вдрызг,
Вроде как умирал,

Бил барабан больно, был берег бел,
Пел о тебе, пепел стучал в ребро,
Плачьте, Утехи, птенчик наш заболел
(Переводить старо),

Мама, цветной ветер, покоя нет!
Праздники предстоят городу слёз,
Клумбы цветут, кружится голова, у них всё время обед,
В командировке босс,

Врут у них отражения — стал седым.
Льют через МКАД музыкой, силясь в строй,
Русла медленных трасс, превращаясь в дым.

Тронешь — а он живой.

* * *

Не люблю воды — она всегда ненадёжна.
И поля, и холмы вдоль дороги привычней, право, —
Для ступни человека и для копыта мула
Не сыскать отрадней опоры, чем твердь земная.

Неужели кто есть в моряках-то по доброй воле?
И резвы челны, да быстрее судьбе попадётся.
Океан велик, много тайн и иных диковин
Прячет в тёмной глуши, зеркалами волны вращая:

Веретёна тугих дельфинов, сирен и чудищ
Золотые стада — для чего? — я боюсь, ей-богу,
Зыбких этих границ, колыбельных горьких
Для уходящих во тьму, никогда — обратно.

Но случается (редко, а с каждым может случиться),
Что, отправившись по делам, подцепишь заразу —
Лихорадку или другое — в землях торговых
Чужестранцев полным-полно, от них и болезни.

Успокоится местный лекарь, тебя увидев
(Потому что покой и к тебе постучался в двери),
Повезут через торговую площадь, где смрад и песни,
И не хочется умирать, а надо. Придётся.

Если ты не успел ничего, что важно, —
Не узрел царей золотые троны, не всех красавиц
Приласкал влажной ладонью под звуки бубна,
Не вдохнул аромата трав на холме в июле —

Прикажи рабам остановить повозку,
Приоткрой глаза, если сможешь — конечно, сможешь! —
Повернись к морю и берегу перед смертью —
Всё, что лучшего есть в этом мире, возьмёшь с собою.

* * *

Lay your sleeping head, my love,
Human on my faithless arm...

W. H. Auden

Моё уснувшее сердце, моя любовь,
Пока не пора и рожок путевой далёко,
Я снова смотрю, как спишь, продолжая вновь
Дыханье земли, и плывущий в ночи к востоку

Солёной, резной звезды оловянный звон,
И музыку — там, вдали, а потом молчанье.
Ты спи, я попробую выплыть сквозь этот сон,
Всю жизнь ощущая тепло твоего дыханья

И тяжесть руки, — не забыть бы, — в ночи вольней
Летит кружевная ласка к горячей коже,
Как было впервые, не видно за дымом дней —
Мы были тогда печальнее и моложе,

Но что мне столетья за вычетом немоты?
Сквозь сон проступают предутренние аллеи,
Где лает щенок, а синицы полощут рты
Холодной водой и сырое завтра бледнеет,

Дрожит на свету, продуваемое сквозным,
Невольно ступив за пределы второго круга...
Когда мы уснём надолго, расскажем им,
Как жили на этой земле и любили друг друга.

* * *

Покудова не пора — спи, тебе не ещё.
По чаркам дней разливать рассвет не пора,
Мария влюбилась. Вроде не горячо —
Что были здесь, не пустились прочь со двора,
Не след по синему снегу, не все цвета
Теперь поменяло небо, сто лет подряд
Спи-почивай, отчётливей лишь беда —
Мария влюбилась сызнова, говорят.
Содеялось, что и править, когда сама
Мария влюбилась, — не верится, не с руки,
Не истончился наст на склоне холма,
Не просыпайся, время прибереги
На пару часов до утра, на два шага
До окончання снов, как водится, клином клин,
Ещё спозаранку не выбила свысока
Тетушка Марта снег из белых перин,
Пока ты спишь, не шум надоевший зов
Колокола воловьего — спи веселей, —
Не ветер в ивах, клинописью следов
Не разузорил ворон холсты полей,
Спи налегке, покуда рекам вода
Не вскрыла вены, синие ото сна,
Пока ты спишь и снишься мне иногда,
Пока влюблена Мария, пока весна.

* * *

Такую осень видела во сне.
Мне мало лета, мне немало лет,
В вагонном переменчивом окне
Уже преобладает жёлтый цвет,

И, неотступно следуя родству,
Ещё немного — отцветём и мы.
Я — дерево, отдавшее листву,
Которому далёко до зимы.

* * *

Это море волнуется раз, и другой, и третий,
Это вдруг замереть на месте, на волны глядя,
Вот и свиделись мы с тобою на этом свете,
Невзначай проплывая мимо по водной глади.

Навсегда налегке — ни крыла за спиной, ни груза,
Это минуло двадцать лет, словно две недели,
Я по-прежнему невеличка, задом кургуза,
Ты по-прежнему тёртый перец, и постарели,

Нет, не мы, но, считай, основы этого мира —
Золотые столпы, на каких города и страны,
Где замри и умри на пороге чужой квартиры,
Где воскресни обратно, время. Полны карманы

Прошлогодного снега, и ветер сквозит за ворот.
Вот и дожили мы с тобой до того момента,
Как в дорогу к вечернему чаю тронулся город
И поплыл в глубину увядшего континента,

И всего ничего оценить ширину простора,
Где морская твоя фигура, и ветер влажный,
И смолистые сваи, какие терзает море,
Средиземное ли, другое — уже не важно.

Она поёт

I.

Протяни руку уставшему в это утро,
Вставшему не с ноги, а с хрустящих крыльев —
Пой и проснись, ветер с холмов, поезд...
Взять эту ноту так же свежо и мудро,
Будто бы нас ни разу и не любили,
Вряд ли случится. Твой улетает голос —

Вот он сверкнул вновь невозможной гранью —
Птицы бегут на юг, заживает глина —
И никаких долгов, никаких сомнений,
Что тебе снится, крейсер, в час расставанья?
Что ты стоишь, качаясь, моя рябина?
Пересекая плато песен и сновидений,

Местность прощупывать, двигаясь, как в реале, —
Рывины сердца, швы берегов нервных...
Утром приду будить по сырой привычке:
Ну, просыпайся, помнишь, как мы вставали
Под «Пионерскую зорьку» в ярких, индейских перьях?
Постарайся допеть, пока идёт электричка.

II.

Свежие, свежие дни, от которых цыпки,
От которых мурашки по коже, зёрна простуды,
От которых свет клином и дальше, к небу,
Ветер, качнув вниз облака-зыбки,
С влажной горсти звуков чужих в блюдо
Мелочью кинет, всякому на потребу:

Лес шевельнёт кроной, внутри пернатой,
Свистнет печаль паровозиком недалёким,
Говор костра выдохнется к приливу —
Ах, у самой голоса маловато,
Всем не усвоить эти твои уроки,
Вот и прошу, золотая, пока мы живы,

Протяни горлом нитку черничной речи,
Вяжущей кружева на пустом перроне,
Про нелюбовь и смерть, замыкая дали
Книгами горизонта, ой да не вечер,
Ой да не ветер ветку к земле клонит —
Это твои птенцы на крыло встали.

* * *

И первое. И белая земля.
И бег секунд, начавшихся с нуля, —
Как стук колёс на перегоне длинном —
Всё явственней. И ёлка у дверей
Вдруг режет зренье зеленью ветвей
С намокшим разноцветным серпантином.
Светает наконец и вышел срок,
И здесь, на перепутье трёх дорог,
Иду неспешно по тропинке скользкой,
Где ветер убегая, уходя,
Проносит нити блёклого дождя
По площади румяной Комсомольской.
А добрая и пьяная Москва,
Как в те года, когда броня крепка
Была и танки наши быстры,
Выходит из подъездов поплясать,
И хитрые правители опять
Так смешивают праздничные числа,
Что встретиться — сомнительно весьма,
Когда друзей по жизни разбросало.
Тепло ли тебе, девица-зима,
Стоять у Ленинградского вокзала,
Вдыхая запах чая, балыка,
Плохого спирта, хлеба, табака,
Приправленного паровозным паром?
И, может, это вовсе не вагон,
Раскрывший обе двери на перрон,
А Дед Мороз, дохнувший перегаром.

* * *

Я могла бы петь, если б совсем припёрло,
Хоть для кого — дроздом, снегирём в неволе,
Но довелось, выводя наверх переливы,
Петь серебром во всё моё птичье горло,
В фартуке грязном — там, на краю поля,
Петь и не думать, красиво ли, некрасиво.

Я могла бы идти на свет, собирая камни,
Собирая бонусы, стёкла, пуговицы, лекала,
Чтоб накопить мишуры себе на яркую старость,
Но прохудилась котомка за делом давним,
Всё, что мне выпало, я по пути растеряла,
И ничего накопленного не осталось,

Кроме того, что ко мне приварено прочно:
Имя твоё — всплеск, за-щекою-сладость,
Слабое зреньё, слух, слюдяное сердце,
Чтобы болеть о тебе, днём ли, ночью,
Слышать тебя, моя печаль, моя радость,
Чтобы смотреть на тебя — не насмотреться...

* * *

Стесину

Когда вернёшься, переведи
Часы на ваше большое время,
Не останавливая в пути
Смешные стрелки. Младое племя
(Ну, здравствуй) — нет, не умеет ждать,
Хотя и требуется, по сути,
Взгрустнув, припомнив чужую мать,
Притормозить на одной минуте:
Ты помнишь? — света как от свечи
(И память этим теплом согрета),
Как мы болтались тогда в ночи
По Чистопрудному или где там,
Не задевая других плечом,
Как в первый раз тишины отведав...

Ты будешь впахивать там врачом,
А я — сейлзом у весёлых шведов
Без всякой скидки на «русский сплин»,
На рейсы утром, на расстоянья,
И мысль о том, что ты не один,
Не задевая крылом сознания,
Пуускай живёт далеко внутри,
За гранью вымышленных ландшафтов,
Неизъяснимой до той поры,
Когда настанет пора прощаться.

Пройдём ли этот неровный строй
Для писем с фронта, любви подкожно,
Для букв кириллицы золотой,
Для царской осени? Невозможно

Пройти без горечи, но вольны
Сквозь эту жизнь, если хватит силы,
Не задевая больной струны
В воспоминаньях о том, что было.

Сентябрь

В тот дом, где яблоки до земли,
Где тишина и еле достанет взгляда
До стеклянных врат высоты,

В тот мир, где сквозняки замели
Листьями сад и в сумерках перед прохладой
Незаметны высохшие цветы,

В те времена, где беглый ветер знакомый
Запоёт в кронах про постаревшее лето, —
Только не навсегда,

Ждёт и меня не печаль, но дорога к дому
Через поля, и подобна дороге этой
Ясных дней долгая череда.

* * *

Вот-вот оно появится. Рука
Ещё дрожит, пока отходят воды.
Отдельное, но часть твоей природы,
И вряд ли, между прочим, на века —

Урезывает степени свободы
Часов и дней бегущая строка,
И корчит в белизне черновика
Ребёнка слов, пустившегося в роды,

Но утру разожми кулак и птиц
Всех выпусти в моря, а рыб — на ветер,
Так напиши, как веришь. Вне границ

Цветут цветы и вырастают дети.
Не жизни ровный шум, но шум страниц —
Единственное «но» на этом свете.

* * *

Часы на выцветших обоях, их бой и утро за окном.
Когда в уборной шум прибора будил оцепенелый дом,
Ты пряталась под одеяло, натягивая душный щит,
Но мама плакать запрещала, вот и теперь не разрешит.

Там, повзрослев как будто сразу, наутро прикрывая дверь,
Теря девственность и разум (чего не жалко и теперь),
Увидишь ли при свете блёклом от фонаря? — глядит в окно
Она сквозь вымытые стёкла: «Надолго ли? А то темно».

Ты залетишь довольно скоро, считай, придётся нелегко.
Вращая это мир, в который, теряя кровь и молоко,
Вплывёшь по кругу мимо крика — туда, к началу всех начал,
Играй, играй, моя музы́ка, сейчас, сейчас, зову врача...

...На этом медленном, на оном очнуться через сотню лет
В чужом пространстве предоконном, где рама есть,
а мамы нет,
Где дочь целуется в парадном, стучат часы, метут снега,
Твои полки бредут обратно, дорога торная долга,

И дней на горсть в сухом остатке, и роль отыграна сполна,
«Я скоро, мама, всё в порядке», и к вечной вахте у окна
Поставят новую на стрёме, в том смысле, что идёт кино
Любви и смерти в этом доме и не кончается оно.

* * *

Начинается полночь, форточку отворя,
И по комнате кружевом кружит, необъясним,
Ветер верный, попутный, вставать ни свет ни заря,
Чтобы ехать, волнуясь перед свиданьем с ним.
Этой ранью в ране канала водичка вечно бежит,
Круговоротом времени, влаги заморожён навсегда,
Это Питер, город, который умер, но млечно жив
В берестяном тумане весеннем, который тоже вода,
И перед словом «люблю» — стоять, не смотреть часы,
Перед словом «здравствуй» — видеть, как из-под льдин
Подплывает дементором бледным, влача за собой волосы
Вод и проспектов, за триста вылинявших до седин.
Перевернём песочные, всё же, всё же начнём с нуля,
Слышу тоже, там из окна в Европу вроде сквозняк —
Спохватившись в дорогу, Бог ты мой, конец февраля! —
До любовной дрожи, тело моё ветер, дело табак.
Дело-то к югу — так говорят, к небольшой весне,
И вот когда подплывёт ближе, в небесах белых,
в ризах, в цвету,
Суженым, мертвецом балладным — «иди ко мне» —
Скажет так издалёка — и я пойду.

* * *

В большой туман обёрнутые дни.
И побережье дальше километра
Плывёт в молочный дым, сырые недра
Меняют местность. Взглядом протяни:

Другое всё вокруг, прибоя цедра,
Плеск волн, вдали сигнальные огни.
Все измененья чудесам сродни.
И размышлять, поворотясь от ветра,

Что жизнь — всегда усилие, одна
Любовь плывёт (и чудеса за ней),
Не ведая о правилах и сроках,

И отмывает нас её волна
От чешуи и листьев прежних дней,
Преображая мир в своих потоках.

* * *

Снег на краю берега, звон реки.
Если придёт волчок, говори, что спишь,
Ни при каких не выдай, побереги
Сон твой, не сон, или ветер поёт у крыш,

Детка, не бойся, волк не ждёт у моста,
Нет ничего — призрачен водоём,
Кровь на снегу — сказка, она пуста,
Скоро мы все по времени уплывём.

Возле дворцовых окон скрипит фонарь,
Ветром перетираемый до зари
(Красное сердце в белый, густой январь,
В синем морозном воздухе снегири),

Так и стоять у выцветших колоннад,
Обозревая окрестности, как в кино...
...Снится, что ранний вечер и зимний сад,
Вьётся белёсой вьюги веретено,

И у ступеней стынет, не свой, не гость —
Мёртвый привратник, мраморный белый лев,
Мёрзнет у дальней проруби Волчий Хвост,
Зрит Аполлон голый во тьму деревьев,

И, оттолкнув в сон, в золотую блажь,
Лодку от берега — до берегов иных, —
Спрятать будильник и развернуть пейзаж
Зимних аллей Павловска ледяных.

* * *

Когда мы разминёмся в тишине
Лет через двадцать — старше ты — и мне
Повременить придётся со свободой

До срока, до какой-нибудь весны,
Тогда понять, что мы сотворены
Из этой — назовём пустой — породы

Заворожённых медленной игрой,
И окончанье призрачного пира
Предчувствовать... Покуда ты со мной
В продутых ветром коридорах мира,

Пока живу — не будешь одинок.
На торную дорогу горстка строк —
Что нам жалеть, пускаясь в путь неблизкий?

Что краткий миг с тобою, и перо
Обрежет смерть, меняя на зеро
Две цифры на дешёвом обелиске.

* * *

Я умерла от красоты, зачем я умерла?
Скорей несите гроб с ключом, чтоб отворять его,
Играет туш, цветут цветы, свершилось естество,
И гости сумрачной толпой встают из-за стола.

Я умирала от любви, и от стыда, и от
Болезней, что в краю родном я подцепить могла,
Но умерла от красоты — где голова была,
Там птица стриж свила гнездо и песенку поёт.

Я умерла от красоты на много лет подряд,
Где было сердце — деревья темны и высоки,
Где были руки в рукавах, там рукава реки,
Сама не вижу, но вокруг так люди говорят —

Ну, те, которые идут издалека (как ты),
До тех, которые для тех, что после, но не суть,
На свете столько красоты, но столько красоты,
Что умереть совсем легко, как будто бы уснуть.

Снуют небесные полки, поют казённый дом,
Короткой жизни на земле дают карманный рай,
Чтобы увидеть красоту и закричать «прощай»
Всем тем, кто умерли до нас, но никогда потом.

Домой

Конечно, я ещё вернусь
Сюда по памяти. Порядок.
Вдохнуть, почувствовать на вкус,
Как воздух предосенний сладок,
Как дым, плывущий сквозь листву,
Горчит. Ржавеющее средство
Припарковать, ступить в траву
И посмотреть ну наконец-то
Вверх! И бывалая джинса
Едва ли защитит от ветра.
Твои льняные небеса,
Наматывая километры
На солнца круг, издалека
Плывут, и вдоль дороги длинной
И стаи птиц, и облака —
Бегом над ветреной равниной.

* * *

С небесного на земной
Переведут стрелки часов и слова долгой зимы,
Ремесло топора нынче в почёте — мрут.
Двери закрой, избежавшим верной тюрьмы —
По барабану душный уют

Стёршихся кресел, склянок, котов, плащей,
Вверх отлетел — смотри — словно табачный дым,
Ангел двоих самых важных твоих вещей —
Моря в окне и того, что лежит за ним.

С мёртвого на живой, смотри — старого неба вокруг
От колокольни над головами прибрежный гул,
К холодам скорым повернувшись на юг,
Звуки и лепестки ветер в щели задул

С той стороны двери. Теперь она заперта.
Вдребезги колокол твой, затекла на лоб
Фраза «я был как все» — красными изо рта.
Врач поставит печать, дровосек вытешет гроб.

Если встретимся там, в невероятных мирах, —
Высыплется песок, лопнет тонкая нить —
Что-нибудь мне скажи, на тех, двух языках
(На одном молчу, на другом — учусь говорить) —

Чтобы услышать важное, осознавая едва —
В царстве тени твоей и всех остальных теней
Ничего, кроме памяти, и ветреные слова
Жизни вдогонку спешат, напоминая о ней.

* * *

Колокола и птицы, ну потише!
Часы на башне срежут полминуты,
Очнётся ветер, разгребая груды
Ненужных звуков — и тебя услышу,

Покорно принимая, будто свыше,
Всю мощь любви, всю дрожь моей простуды
Почуяв кожей, удивляясь чуду,
Не сдерживая сорванную крышу...

Моя любовь слепа, но не глуха,
Поверишь ли, читая эти строки, —
Дождя веселье, листьев чепуха,

Строптивых рек звучащие пороги,
Хоры церквей и музыка стиха
Мне не милей, чем голос твой глубокий.

* * *

Где полчища листвы, где зверь сова,
Где флот синичий прочь из рукава,
А из другого — проливные реки
Дождей до неба — тёмного окна,
Откуда наша местность не видна,
Как будто бы закрытая навеки,
Там, там — смотри, где спят цветы,
Закрывшие глаза от темноты,
И птица-дудка ноет о рассвете,
На фазы лун летит небесный сор,
И тот, с ключом, метущий звёздный двор,
Всю лисью шапку истрепал о ветер, —
Там, далеко, где ночью иногда
Вспорхнёт сизарь и вынырнет звезда
Сквозь кружево дубов, где глушь и тишь,
Где скрип дверей и чей-то жёлтый зрак,
Там, в глубине, где шорохи, где мрак,
Ты разглядишь ли... нет, не разглядишь.

Поленово

Средь этой осени глубокой,
Что дразнит слух и тешит око,
Я для себя приберегу
Траву и небо, ветер вольный,
Печальные холмы и волны
И ржавый чёлн на берегу.
Что вдруг велит ступить в дорогу,
Какую стелют понемногу
Дерев угасшие костры?
Здесь лес и дол бледны, как прежде,
И каждый куст рояль содержит,
Молчанья полный до поры.
В те дни, во времени беспечном,
Все были живы. И, конечно,
Был каждый выпить не дурак
Из тех, что на порог ступали,
И в час веселья в этом зале
Звенел фарфор, горел очаг.
Но деревья склонили выи.
Где, говорю, снега бывые? —
Всё пусто. Лишь туман окрест
Поманит сыростью морозной.
Ты, дух лукавый и серьёзный,
Бессменный стражник этих мест,
Храни печаль, храни отраду —
Пусть лес щебечет за оградой,
Пусть будет речь Оки слышна —
Я здесь останусь. Разреши мне
Смотреть на стынь полей предзимних
Из веницейского окна.

Охотники на снегу

И к костру обернуться — пригород, а не град,
Ветхих домов вереница, птица, словно во сне,
С ветки снялась и вправо. Остальные сидят,
В звонком воздухе слышно, как просыпался снег.
В звонком воздухе чудится словно движение, штрих
Кисти? Крылом ли по́ небу? Чётко, но не весьма
Видимо. Не озябла ли свора твоих борзых?
Дай отдохнуть собакам, не спускайся с холма:

Там, внизу, оживление, и всякий резвый снуёт,
Словно стрекозы крыльями вертикально, и се —
Белым — снег (снова ветрено), тусклым — небо и лёд,
Воды, давно уснувшие в мельничьем колесе,

Там, внизу, в этом времени от столиц и досель —
До горизонта серого, зрение переберёт:
Глянь, Мария в Египет, герцог Альба в Брюссель,
У берегов Франции мёрзнет парусный флот,

Там, внизу, очертания материка проросли
Льдами в хмурое, плещущее, где-то подле него
Мёрзнут стрельцы и гончие, что такое вдали
С той стороны — холста ли? Плоской, как блин, земли?
Слышишь, если ты спустишься, то не увидишь всего

Этого, где в движении — псам ли замедлить бег?
Сойкам полёт убыстрить? — Передохни, повезло
Видеть с уровня птичьего: русла замерших рек,
Веер деревьев сизых, ветрено и светло.

* * *

Когда могила свежий след возьмёт,
Что я оставлю здесь, на этом свете?
Осеннюю траву, дорогу, ветер,
Потом холмы, деревья, небосвод...

Уйти недоумённо, словно дети,
Заглядывая смерти в жадный рот.
Когда-нибудь разведка донесёт,
Что и тебя не стало на планете.

Что я тогда? В невыносимый час?
При жизни умереть, тюрьму обретши?
В пустыне без тебя, где свет погас,

В пространстве ледяном латая бреши,
Не сдержит время чёрных слёз из глаз
И ветер заорёт, как сумасшедший.

* * *

Соскучились глаза по белому,
Чтоб остудить зрачок натруженный.
Ещё не холодно, но ветрено,
И темень, схваченная ветками,
Дождём и осенью простужена.
Когда же мы наденем варежки?
Над головами небо ватно —
Не здесь, не здесь, а там, на краешке
Дороги, длящейся обратно,
Где небеса к лесному берегу
Пришиты атмосферным фронтом.
Как растворят снежинки белые
Тугую нитку горизонта,
Хочу смотреть, но ветер волнами,
И нету никакого проку,
Подняв лицо, глядеть на облако,
Румяное с другого боку:
Здесь тишина сегодня вечером,
И, ставшие почти седыми,
Стоят на повороте к северу
Деревья в сумерках и дыме.

* * *

Чёрная курица зёрнышко уронила,
Крыльями затмевая луну и звёзды.
Спите спокойно, буйные и дебилы,
Переселенцы области коматозной,
Здесьним вливанием тёплым, крылом Морфея,
Вовремя утешают ветра и штормы,
Сильно штормит ли? — Рифму ищущу на шею,
Но на уколах лучше, почти до нормы.

В комнате дня воздух не глубже метра,
Но не густой — видны с твоей постели
В зеркале вод — свежем, кривом от ветра —
Звёзд и актиний чуткие иммортели,
Заросли трав донных, плоды Деметры,
Стаи червей и рыбин в солёной юшке...

Выбежать к берегу, клюнуть свою таблетку,
Что выдают на ужин в доброй психушке,
Зря поискать его на сыром просторе —
День ото дня красочней и чудесней
Там, в голове бедной, большой, как море,
Где проросло семя твоей болезни,
Грань между сном и вечером, днём и бредом
Перьями заметая, последний приступ
Дурочки-жизни выбить. Прослыть поэтом.

Бросить всё и вернуться на эту пристань,
Где в горизонт медленно, внутривенно
Катится день, закрывая замки и вежды, —
Прямо туда, где ветер сбивает пену,
Переживая агонию побережья.

* * *

Медовый полдень тёплыми руками
Погладит шерсть травы, она согрета
Зелёным молоком, янтарным светом,
Но тень деревьев верными шагами

Уймёт веселье. Нынче между нами
Из общего лишь небо здешним летом,
Ты без меня в огромном мире этом,
Пронизанном упругими ветрами.

Букет, шиповник дикий, шмель — блаженство
Минуты этой вновь сойдёт за бред,
Печали редкой уступив главенство,

Как будто темноте сквозь яркий свет.
Чтоб не рехнулся мир от совершенства —
Вот почему тебя со мною нет.

* * *

памяти А. Р.

Здесь у нас теперь всё по-прежнему. Суета.
Подросли деревья у дороги, который год,
На оттенки лимонного к ночи сменив цвета,
Драгоценные листья скорый творят полёт,

Заметая окрестности, путаясь и скорбя,
Среди всей этой гаснущей, ветреной красоты.
Здесь у нас теперь всё по-прежнему, только тебя
Не найти, и болит моё сердце на все лады

Не затем, чтобы пробовать разные голоса —
Чтоб, как прежде, утешиться вволю одной игрой:
Рыжий, птичий язык нашей юности, словеса,
Ты тогда понимала его, как никто другой,

Так кружась в этом чёртовом, беличьем колесе,
Где другие такие же, имя которым рать,
Мы не мы, отвечают беззвучно немые все,
Нам вовек твоего наречья не разобрать,

И стоять мне до срока, Бог весть от каких щедрот,
Покоряясь безвылазно марту ли, сентябрю,
Куковать сиротливо среди пространств и широт.
Перемолвиться словом не с кем, я говорю.

* * *

Птица, птица, кто это? Это ты.
Здесь за окном ненадолго, неподалёку.
Чуть подождать, и до конца темноты
Вместе с тобой дожди улетят к востоку,
Сонное утро прыгнет от края крыш
Солнечным зайцем на угадавший сонник,
Птица, птица, ты спишь? Ты, конечно, спишь,
С той стороны зацепившись за подоконник.
Здесь, в зазеркалье, в этой двойной пустоте,
Мы — это лишь отражение в окнах спальни,
Вот отойдёшь — и нету тебя нигде,
Словно бы ты в стекле навсегда реальней.
Вглядываясь в эти призрачные черты,
Где темнота и старые рамы промокли —
То и гляди, что потоки чёрной воды
Брызнут в лицо, растворив оконные стёкла, —
Тихо вспорхнуть, лишь однажды нарушив строй
Мерного сна, за секунду до пробужденья
Вдруг ощутить, как свистнет ветер ночной,
Ирисом процветёт небо, берег сиренью
Ближе к рассвету. И, навсегда уходя,
То и оставить, что кажется невозможным, —
Эту весну, чему за стеной дождя
Онемевший мир удивляется осторожно.

Круг

Не о тебе ветер в форточку дунул —
Загудели пчелы про беспокойное лето,
Разлетелись страницы нотной моей тетради
Музыкой в доме — не о тебе, конечно,
А о других, послушайте, правда-правда! —
Разбежались звуки смородиной и кизилом.

Ягоды в срок не о тебе поспели.
Шумом крон, пухлыми облаками —
Не о тебе лес, не о тебе небо
Вперегонки друг с другом — туда, повыше,
Чтобы увидеть сверху дорогу в город,
Где о тебе не слыхивали ни разу.

Город мой длится, не о тебе играет
Струнами и ручьями, толпой и смехом,
Словно бы у меня приключился праздник,
Только это не важно, важно другое:
Подарил мне там кто-то, уже не помню,
Без парусов долблёнку, ладью без вёсел.

На переправе в лодку мою садились.
Петь затеяли и хорошо, и складно,
И о тебе я даже думать забыла!
Но бежала вода быстрее, чем раньше,
На стремнину вынесло мою лодку,
И закружило течение озорное,

Так испугались те, кто со мною плыли
(На середине реки, середине жизни),

Что позабыли песни, одну лишь помню:
В небе высоко птичка одна летала,
Не о тебе плакала неутешно,
Побегу в мир собрать в платок её слезы.
Принесу домой, прорашу в жестяной банке,
На подоконнике в ночь распустились белым.
Не о тебе кланяются от ветра.

Таков пирог, под тёплый кров он собирает в круг
Всех — молодых и стариков, детей, собак и слуг,
Нетрудно мне на раз и два,
Здесь, в две проворные руки,
Зимой, на склоне дня —
Достанет дров и колдовства,
Корицы, яблок и муки
Для моего огня...

* * *

С тех пор как мы вдвоём, так много лет
Прошло, что вряд ли вспомнить бы могли,
Где нас искать. В каком конце земли
Лежим теперь, убиты или нет,

Шумим ли лесом или зацвели
Цветами — в мире наш потерян след.
Что остаётся здесь? Сухой скелет,
С деревьев листья, облака вдали.

И тешиться мечтами, как игрой,
Нет, ни к чему сейчас — какой резон?
Не вспомнить мне, зимою ли, весной

Настиг нас невзначай могильный сон,
Но я не прочь — ведь ты навек со мной.
Вне боли, вне пространства, вне времён.

* * *

Зелёным — дом, гудящий, как река,
Как люди вдалеке, как бы цветы
Сквозь землю проросли из темноты
Корявыми руками, где рука
Не в силах удержать свои плоды.

Медовым — воздух, сладкий и густой
От яблок в мураве, гнилья окрест,
Где лето напрямиком из этих мест,
Где ливня ноль и крест бежит водой
По зыби чёрных луж, стремясь отвесть

Под землю влагу, грохот в небеса,
Как тень теперь стихия, перед ней
Все замираем, словно сад камней,
Другой шумит за окнами — гроза,
Она пройдёт, не вспоминать о ней,

Но горизонт — там водный бой завис:
Эскадры туч, галерный чёрный щит,
Е2 — ДЗ, ты ранен? — Я убит,
И выстрел яблок, падающих вниз,

И дробь дождя. Нож водный отсечёт
От сумерек в кругу древесных стад,
От всех зеркал, всех птиц наперечёт,
Ленивых мыслей вслух и диких пчёл,
Звнящих у виска про старый сад.

* * *

Так и написано: вправо — теряешь коня,
Влево — царевна твоя, но лишишься удачи.
Что побережье тебе? Тут скачи хоть три дня —
Море от нас далеко, нипочём не доскачешь.
Верно и то, что увидеть дано между дел
(Проще сказать, отвлекаясь от важного дела):
Версия мира, какую сверчок назвенел,
Хочешь ли, нет, а она навсегда устарела,
Но начинать ли движенье к любой из границ,
Прочь от того, что всё так сухопутно знакомо —
От сквозняков и словес с незабытых страниц?

Если бываешь оправдан, играющий homo,
Только тогда, когда, вот как сейчас, на мели.
То есть когда под пятой ощущаешь, немея,
Грань драгоценную жизни или земли,
Осознавая неведомое за нею.

Содержание

<i>Бахыт Кенжеев. «Тронешь — а он живой»</i>	3
«Этот мартовский ветер, звенящий в ночных проводах...»	5
Австралия	6
«Джаз на Тверской. Сухо. Покоя нет...»	7
«Не люблю воды — она всегда ненадёжна...»	8
«Моё уснувшее сердце, моя любовь...»	10
«Покудова не пора — спи, тебе не ещё...»	11
«Такую осень видела во сне...»	12
«Это море волнуется раз, и другой, и третий...»	13
Она поёт	14
«И первое. И белая земля...»	16
«Я могла бы петь, если б совсем припёрло...»	17
«Когда вернёшься, переведи...»	18
Сентябрь	20
«Вот-вот оно появится. Рука...»	21
«Часы на выцветших обоях, их бой и утро за окном...»	22
«Начинается полночь, форточку открываю...»	23
«В большой туман обёрнутые дни...»	24
«Снег на краю берега, звон реки...»	25
«Когда мы разминёмся в тишине...»	26
«Я умерла от красоты, зачем я умерла?...»	27
Домой	28
«С небесного на земной...»	29
«Колокола и птицы, ну потише!...»	30
«Где полчища листвы, где зверь сова...»	31
Поленово	32
Охотники на снегу	33
«Когда могила свежий след возьмёт...»	34
«Соскучились глаза по белому...»	35
«Чёрная курица зёрнышко уронила...»	36
«Медовый полдень тёплыми руками...»	37
«Здесь у нас теперь всё по-прежнему. Суета...»	37
«Птица, птица, кто это? Это ты...»	39
Круг	40
«Покуда заметён порог и робок свет в окне...»	42
«С тех пор как мы вдвоём, так много лет...»	44
«Зелёным — дом, гудящий, как река...»	45
«Так и написано, вправо — теряешь коня...»	46

Книги, выпущенные и планирующие
к выпуску в издательстве «Воймега»:

Ольга Нечаева «Птичье молоко» • **Алексей Тиматков** «Воздушный шар»
• **Андрей Чемоданов** «Совсем как человек» • **Всеволод Константинов**
«Седьмой путь» • **Александр Сорока** «Тутырь» • **Александр Максимов**
«Новый год-II» • **Александр Переверзин** «Документальное кино»
• **Михаил Свищёв** «Последний экземпляр» • **Мария Тиматкова**
«Настоящее имя» • **Светлана Бунина** «Удел цветка» • **Ната Сучкова**
«Лирический герой» • **Андрей Щербак-Жуков** «Дневник наблюдений
за природой» • **Денис Новиков** «Виза» • **Ирина Ермакова** «Улей» •
Ян Шенкман «Скоро придёт конец птице, оглохшей от собственного пения»
• **Григорий Кружков** «Новые стихи» • **Александр Тимофеевский**
«Размышления на берегу моря» • **Андрей Василевский** «Всё равно» •
Игорь Меламед «Воздаяние» • **Инга Кузнецова** «Внутреннее зрение»
• **Лета Югай** «Между водой и льдом» • **Вадим Муратханов** «Испытание
водой» • **Андрей Василевский** «Ещё стихи» • **Юлиана Новикова**
«Песок» • **Иван Волков** «Стихи для бедных» • **Юлий Хоменко** «Восьмое
небо» • **Светлана Хромова** «Память воды» • **Сергей Королёв**
«Повторите небо» • **Андрей Василевский** «Плохая физика» • **Андрей
Чемоданов** «Я буду всё отрицать» • **Ната Сучкова** «Деревенская проза»

Некоторые из этих книг можно приобрести в магазинах:

Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25
«**Фаланстер**», М. Гнездниковский пер., д. 12/27
«**Книги в Билингве**», Кривоколенный пер., д. 10, стр. 5
«**Гилея**», Тверской б-р, д. 9

Елена Генерозова. Австралия.

редактор: А. Переверзин

вёрстка: Н. Крутова

корректор: О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru; alkonost@inbox.ru

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Формат 60х90 1/16

Тираж 500 экз.

Книга, которую читатель держит в руках, — для ее автора первая. Это поздний дебют, но дебют зрелый и качественный, стоящий иных бенефисов. По сути, освоение ремесла Елене Генерозовой пришлось начинать с нуля, но её поэтическое взросление протекало быстро и на диво органично. За несколько лет она выработала свою художественную манеру: плотное образно-ассоциативное письмо, в котором, однако, наслаивающиеся образы и переплетающиеся ассоциации чужды хаоса и неуловимо согласованы друг с другом. Конечно, лучшие стихи Генерозовой ещё не написаны, но Лена уверенной поступью движется вперёд. Пожелаем же ей, как в старину говорили, доброго пути.

Игорь Меламед